

Воспоминания В.И. Огнёва «Серёжа Огнёв»

Подготовка к публикации и вступительная статья Е.П. Крюковой

Независимый исследователь

Владимир Иванович Огнёв (1894–1958) — брат С.И. Огнёва, воспоминания которого, озаглавленные им «Как я сделался зоологом», публикуются в этом же номере. В.И. Огнёв в своей рукописи, написанной по просьбе вдовы Сергея Ивановича Инны Евграфовны Огнёвой, вспоминает о детских годах своих старших братьев, Александра и Сергея. Уделяя основное внимание зоологическим увлечениям братьев, он описывает и другие их интересы, а также домашнюю атмосферу и друзей детства братьев Огнёвых. Среди них — известные в будущем учёные Фёдор и Михаил Петровские, Пётр Живаго. Публикуемая рукопись воспоминаний В.И. Огнёва хранится в семейном архиве Огнёвых.

Ключевые слова: Поливановская гимназия, Московский университет, протоиерей Н. Елеонский, Фёдор и Михаил Петровские, Пётр Живаго, Сергей Иванович Огнёв

Воспоминания В.И. Огнёва о детских годах своего брата, С.И. Огнёва, органично дополняют публикуемые в этом же номере мемуары последнего («Как я сделался зоологом»). Владимир Иванович Огнёв (1894–1958), младший из детей профессора Московского университета гистолога Ивана Флоровича Огнёва (1855–1928), родился в Москве. Как и старшие братья — Александр и Сергей, — учился в гимназии Поливанова; по окончании гимназии — на историческом факультете Московского университета. В 1914 г. отправился добровольцем на фронт. Закончил ускоренный курс Николаевского кавалерийского училища. Воевал до 1917 г. Имел награды. Участвовал в Белом движении на Севере и в Крыму. Вместе с армией Врангеля эвакуировался сначала в Турцию, затем в Югославию. В 1945 г. принял гражданство СССР, за что в 1948 г. был арестован югославскими властями в качестве «советского шпиона». Получил 6 лет каторги. По выходе из заключения вернулся на родину вместе с младшей дочерью и внуком (в 1956 г.). Скончался в 1958 г. в Сергиевом Посаде (тогда Загорске). В этот период им были написаны публикуемые здесь краткие воспоминания о детстве братьев Огнёвых. В них он описывает не только зоологические, но и театральные увлечения братьев, вспоминает их детские шалости, домашние праздники и друзей детства, из которых со временем, по его словам,

«девочек становилось всё меньше, пока в старших классах из знакомых остались только одноклассники братьев», поскольку братья «всё больше и больше отходили от той жизни, которая считалась обычной светской жизнью молодёжи». Среди наиболее близких друзей были известные впоследствии филолог Фёдор Петровский и его брат, литературовед Михаил Петровский, а также Пётр Живаго, в будущем — известный цитолог, ученик Н.К. Кольцова.

Публикуемая рукопись воспоминаний В.И. Огнёва хранится в семейном архиве Огнёвых. Выражаю благодарность за помощь в подборе биографических данных В.И. Огнёва его внуку, протоиерею Савве Михалевичу.

Серёжа Огнёв

В.И. ОГНЁВ

*Не говори с тоской: «Их нет...»,
А с благодарностью — «Были!»*

«Попробуй написать свои воспоминания о Серёже!» Так сказала мне на днях Инночка, жена моего покойного брата Сергея Ивановича Огнёва — профессора Московского университета, крупного учёного, оставившего за собой богатое наследство своих трудов, коллекций и фотографий, чьё имя с большим уважением и сердечностью поминается многочисленными друзьями и учениками не только на нашей Родине, но и далеко за рубежом.

По правде сказать, в первую минуту такое предложение меня несколько озадачило. Для меня С.И. Огнёв бесконечно близок и дорог, как может быть близок и дорог любимый брат. Когда я думаю о нём, мне трудно выделить весь его милый облик из среды лиц, столь же мне дорогих и близких, — из среды моей семьи. Если я начну писать мои воспоминания, невольно я придам им характер интимного рассказа из семейной хроники. Для кого же писать? Будут ли интересны тем, кто знал брата как необычайно деятельного и работоспособного учёного, эпизоды из жизни Серёжи Огнёва? Боюсь, что мало! Но зато эти рассказы будут дороги самой Инночке, верной спутнице моего покойного брата, сопровождавшей его и в охотничьих скитаниях, и в научных экспедициях.

Только для неё я сбрасываю с себя привычную лень и пишу, в надежде, что это будет ей дорого и что хоть чем-нибудь я смогу доставить удовольствие той, кого брат мне оставил вместо себя.

Итак, пишу для моего отзывчивого дорогого друга — сестры.

|

С тех пор, как я себя помню, с тех пор, как я стал сознательно воспринимать окружающий меня детский мир, я уже был поглощён культом природы. Тон этого культа задавали оба мои брата — Александр и Сергей, бывшие по годам много старше меня. Уже в то время «Жизнь животных» Брема — настольная книга братьев — была источником их разговоров и интересов. Как сейчас помню старинное издание Брема на какой-то шершавой бумаге, напечатанное своеобразным шрифтом со многими иллюстрациями. Братья в виде особого благоволения позволяли мне листать драгоценные книги, попавшие в их владение из книжного шкафа отца. Отец, бывший в молодости страстным охотником и всегда живо любивший природу,

Рис. 1. Володя Огнёв в 1898 г.

Fig. 1. Volodya Ognev in 1898

всячески поощрял братьев в их увлечении чтением Брема. Помню, какое событие было в жизни братьев, помню их восторг, когда старинное издание Брема сменилось роскошным новым, с прекрасными цветными рисунками знаменитых Шпехта и Куперта.

Братья ещё были детьми, но уже тогда первое научное увлечение носило у них различный характер. Старший Саша был природный созерцатель, необычайно добрый и жалостливый по своей натуре — ему чужды были охотничьи увлечения, но зато редкая память и всесторонность интересов бросались в глаза и часто поражали старших. Глядя пристально своими огромными глазами на собеседника, маленький Саша умел фразировать своей иногда совсем не детской эрудицией. Конечно, не обходилось без комичных случаев. Так, например, раз в присутствии Саши зашёл разговор о том, когда ожидается появление младенца у тётушки Л., находившейся в «интересном положении». К общему удивлению Саша с большим апломбом заявил вполне безапелляционно и серьезно: «А слонихи вынашивают маленьких двадцать месяцев!» Справка была точная, «по Брему».

Серёжа был ребёнком другого типа — сама его шаловливая курносая рожица с весёлыми глазами, из которых так и брызжет готовность проказить, представляла полную противоположность Сашиной задумчивой серьёзности. Недаром малоархангельская попадьё при виде Саши всплеснула руками: «Какое умильно рожденное дитя!..» Несмотря на разность характеров, оба брата любили друг друга и всегда жили душа в душу. Серёжа унаследовал от отца страсть к охоте. Он запоем читал в старинном журнале «Всемирный путешественник» описания охот Ливингстона, Кука и других, увлекался Пржевальским, оба брата любили читать «Жизнь насекомых» Фабра, но в то время, когда Саша часами мог не отрываясь наблюдать беготню муравьев, Серёжин темперамент требовал деятельности, Фабр пробудил в нём страсть коллекционера, и он очень рано начал собирать бабочек и жуков. В этих его первых собраниях уже ясно намечалась педантическая и строгая система. Родители обратили на это внимание, и мать, которая знала чудесным образом читать в

сердцах своих детей всякое желание, прямо, можно сказать, попала в точку, когда подарила к именинам Серёже стеклянный ящик с экзотическими бабочками. Там были и гиганты Атласы, и другие великаны, переливавшие всеми цветами радуги. Где мама смогла достать такую прелесть? Мама объяснила, где продаются подобные «сокровища», но, к огорчению братьев, стоили они довольно дорого, а детям не позволялось иметь и тратить свои деньги. Но и тут, с помощью матери, вопрос был решён благоприятно. Решили образовать «фонд сдачи». Дело в том, как надо пояснить, что почти каждый день наша кухарка, покупая на рынке продукты, приносила домой медяки, мелочь, полученную ею «сдачу». Так вот, было решено эти медяки собирать в копилку. Это и был знаменитый «фонд сдачи» — неотъемлемая собственность братьев. Из этого фонда коллекция пополнялась приобретением фантастично огромных жуков, жужелиц и т. п.

Раз я вспомнил о «фонде сдачи», мне хочется рассказать один эпизод из Серёжиной жизни, связанный с этим фондом. Как я говорил, Серёжа всегда увлекался описанием охот и путешествий, — понятно, что он начал рано запоем читать романы из жизни Дикого Запада, чудесные фантазии Купера, Майн-Рида, Густава Эмара...

Результат чтения немедленно сказался в довольно забавной форме: Серёжа в детстве всегда отличался миловидной рожицей проказника, после же знакомства с героями романов Майн-Рида и, в особенности, Густава Эмара Серёжа попытался придать своему лицу, осанке и манере говорить достоинство и важность настоящего «траппера из прерий». Изъясняясь он стал пышным возвышенным слогом, так что за него не покраснели бы и «идальго» Г. Эмара.

В семейных воспоминаниях осталась ссора матери и сына: Серёже попало от матери за какие-то проказы (мать умела «разносить» горячо и с темпераментом, но никогда не била детей). Серёжа почувствовал себя обиженным, так как он, кажется, не был так виноват, как это казалось маме. Как бы там ни было, но Серёжа заявил, заливаясь слезами: «И уйду я теперь навсегда в лес!.. И останешься ты, несчастная мать, без детеныша!..» У матери гнев уже прошёл, и, подавляя улыбку, она совсем серьезно спросила: «А на что же ты будешь жить?» Серёжа на секунду растерялся, а потом хмуро ответил: «На сдачу...»

Впоследствии когда Серёже напоминали его напыщенную манеру говорить в детстве, он, смеясь, утверждал, что он тогда лишь фиглярничал и отлично понимал, как своей манерой говорить он развлекает старших. «Дети же умеют притворяться», — говорил он. Может быть, это и правда, но, с другой стороны, разве не характерна для большинства детей известная потребность актерствовать? И где кончается актерство и начинается сознательное фиглярство — трудно определить. В конце концов, и самое подражание старшим у детей становится игрой, требующей известных актерских способностей.

II

Я помню, у нас дома рабочий кабинет отца был местом, куда доступ детям был закрыт. В особенности в то время, когда отец переносил с письменного стола лампу на круглый стол возле дивана, ставил перед собой две шкатулки с карандашами, в одной отточенные (служитель Герасим точил их особой машинкой), в другой — притупленные; перед папой возвышались стопы ослепительной бумаги. Он усаживался поудобнее на диване, брал отточенный карандаш, придвигал к себе бумагу и, негромко диктуя сам себе, начинал писать. Так он писал свои научные статьи, учебники или просто готовился к лекциям. Тогда все домашние, проходя мимо кабинета, старались не шуметь. Детям строго запрещено было бегать по коридору... Но уже давно Серёжа приметил, что папины карандаши особые, для рисования и писания нет им равных. Об этом он сообщил и мне. Добывать эти карандаши было рискованно (могло

попасть от папы — он очень не любил, чтобы ему мешали во время работы), но вместе с тем и азартно, совсем как на охоте по токующему глухарю. Дело в том, что когда папа громко диктовал сам себе, он ничего не слышал и не видел, что делается кругом, но лишь только он замолкал, меня исписанный карандаш, — он был особенно раздражителен и отлично слышал и видел...

У Серёжи, конечно, были и карандаши, и шкатулка, и бумага. Он рано начал писать свои заметки, сперва из прочитанного, а потом, становясь старше, записывал и личные наблюдения. Так незаметно в нём вырабатывался метод писания, и от забавы к серьёзной работе совершался, как бы шутя, естественный переход.

Рис. 2. Володя, Саша, Серёжа. Москва, квартира в Шереметьевском пер., 1901 г.

Fig. 2. Volodya, Sasha, Seryozha. Moscow, apartment in Sheremetyevo lane, 1901

III

Я уже говорил, что мои братья с раннего детства создали в доме своеобразный культ природоведения. Мать, и сама склонная в своих духовных интересах к горячим увлечениям, понимала детей, только боялась известной односторонности умственного кругозора и следила за их чтением. Вместе с тем она умела в домашнем обиходе играть на «зоологических» склонностях сыновей. Так, например, дается к обеду вареная говядина (из супа) с пюре и хреном. Братья довольно кисло встречают это блюдо. Даже кроткий Саша заявляет: «Маманечка, я что-то сыт...»

«Жаль, — говорит мать притворно равнодушным голосом, — пропадает мясо игуаны». У братьев глаза делаются круглыми от удивления: «Как игуаны, да ведь мы же только сегодня читали... Дай попробовать!» С тех пор говядина под маркой «мяса игуаны» делается одним из самых любимых блюд.

Зоологические флюиды в нашем доме каким-то своеобразным образом переходили и на прислугу. Жила у нас кухарка, ходившая подпрыгивая, так как хромала на одну ногу, но, несмотря на свой физический недостаток, отличная мастерица. В один прекрасный день прибегает она вся в слезах к матери: «Барыня, жить у вас я больше не могу — ваша нянюшка Марья Трофимовна такими безобразными словами меня ругает, что нужно быть каменным истуканом, чтобы перенести такую обиду». Озабоченная мать спрашивает: «Да что же она тебе сказала?» «И повторить не могу!» «Но всё же?» «Она сказала — ты кенгура прыгающая!» Бедная кухарка заливается слезами. Вот до чего довели новые зоологические познания нянюшки Марьи Трофимовны!

Этот случай по существу своему безобидный, но то, что мне ещё вспоминается на ту же тему, далеко не так безобидно.

Наша семья зимой проживала в Москве, где отец был занят лекциями и научной работой в Университете, а братья учились в гимназии Л.И. Поливанова. Летом же при первой возможности мы выезжали из города в имение деда (отца матери) Ивановское Орловской губернии. Это имение перешло по наследству брату матери Сергею Ивановичу Киреевскому — дяде Серёже. В то время он был одинокий холостяк, принимавший нас необычайно радушно, и всякий раз был рад, когда большой Ивановский дом оживал и дядя мог отдохнуть от своего одиночества. Огромного роста, он, герой боев на Шипке, сохранил вполне выправку офицера. При его внушительной наружности, могучем басы, звучащем бархатом в хорошие минуты, а в гневе подобном громовым раскатам, — при всех этих свойствах ему легко было прослыть строгим хозяином, и его боялись. Порядок в усадьбе был образцовый. Дом всё же носил характер глубоко патриархальный, со всеми пережитками крепостных ещё времен. Так, например, целая плеяда старушек, разных Лукерий, Матрен и Параш, представляла собой «девичью», вернее, пережиток «девичьей», и для них наше появление было развлечением — все они, как по команде, превращались в мамушек и нянюшек и хлопотали об нас на все лады. Мы же, дети, катались как сыр в масле. Казалось, там, в Ивановском, все сговорились нас баловать. Зато и любили же мы Ивановское!

В тот достопримечательный в нашей семейной хронике год мы приехали в Ивановское необычно рано. Против обычая, наши родители сдали нас, детей, на попечение дяди Серёжи, двоюродной бабушки Екатерины Александровны Потёмкиной, репетитора братьев В.А. Загуменного и бонны Елизаветы Андреевны, а также всех прочих нянюшек и мамушек. Обеспечив таким образом наше благополучие, сами они уехали за границу, куда отец получил научную командировку.

Конечно, еженедельно от мамы приходили письма. В одном из таких писем сообщалось, что отец в Неаполе купил для братьев «морского чёрта» и тот в банке со спиртом находится на пути в Ивановское. Конечно, Саша и Серёжа в восторге сообщили эту новость всем, но среди Лукерий, Матреш, Параш и других обитателей «девичьей» новость совсем не вызвала восторга, наоборот, «девичью» охватила паника, для них появление «морского чёрта» равносильно было неминуемой катастрофе. Весть о чёрте в тот же вечер разнеслась по деревне Фураевке, некогда принадлежавшей Ивановскому.

На следующее утро дядя Серёжа был не на шутку перепуган, когда ему доложил верный слуга Михайло, что Фураевка всем миром собралась на Ивановском дворе и крестьяне просят его выйти. Думая, что пожар или какая-нибудь катастрофа привела к нему крестьян, он, почти бегом, поспешил выйти к пришедшим с вопросом: «Что случилось?» Каково же было его изумление, когда староста, очень серьёзно и обстоятельно изложив катастрофическое положение, к которому ведет небывалая засуха, прибавил глубоко взволнованно: «А мы слышали, что молодой барин (так звали крестьяне нашего отца) шлет сюда ещё какого-то морского чёрта, что же с нами тогда-то будет! Барская забава, а нам смерть. Заступитесь, Сергей Иванович!»

Видя, что деревня не на шутку встревожена, дядя Серёжа, как умел, успокоил людей. Конечно, родителям было написано об эффекте, который произвела весть о присылке «морского чёрта».

Из Неаполя пришло экспрессное письмо, что «морской чёрт» не может быть выслан, а вместо него в банке прибудет обычная морская рыба. И действительно, через несколько дней прибыл виновник всех тревог — «морской чёрт», под контрабандной фирмой «морской рыбы».

Представители «девичьей» брезгливо рассматривали посылку, вздыхая: «Ну же и страна, где рыбы — и те такие страхолюдные!» Саше и Серёже было строго запрещено пояснять, что рыба в банке называется «морским чёртом».

Так кончилась эта история, чуть не вызвавшая бунта во всём околотке. В наше время трудно уже и поверить, что были возможны подобные случаи.

IV

В старом здании Университета, если смотреть с Моховой, то между двух колонн справа наверху, стена к стене с актовым залом, есть комната, окно её и сейчас глядит на улицу. В этой комнате, за тем окном я провёл первые дни моей жизни, но помню я эту комнату, когда она досталась моим братьям — они были тогда уже гимназистами. Однажды утром, освободившись от бдительного надзора няни Марьи Трофимовны, ворвался я ураганом в эту комнату. Старший брат Саша спал в кровати, блаженно уткнувшись в подушки, высунув из-за решётки кровати две голые пятки. Рядом с кроватью стоял средний брат Серёжа и при помощи головной щетки пытался привести в порядок свои русые вихры. Лицо его сияло — он был в прекрасном расположении духа. Я глядел почтительно на своего брата: вчера утром он был просто Серёжа, а сегодня уже не мог быть прежним, так как сделался обладателем настоящего ружья!

«Можно посмотреть?» Серёжа снисходительно кивает головой: «Только не трогай». Я воззрился с жадным любопытством на маленькое шомпольное ружьё и новенький скрипучий ягдташ, висевшие на стене на коврике над самой кроватью Серёжи. Обладатель нового ружья не мог вынести долго роли равнодушного охотника — моё немое восхищение ему польстило. Как будто нехотя, он скинул с гвоздя висевшее ружьё и, поворачивая его со всех сторон, снисходительно стал пояснять:

«Не даю тебе в руки, так как нужно уметь с ним обращаться. Вот, видишь, ствол — это настоящий ленточный закал, его нужно очень беречь... Беда только, что бой очень кучный, нужна большая меткость...» При последних словах Серёжа нахмурился и, дохнув на ствол, стёр рукавом следы пальцев.

«Как же ты будешь?» — робко осмелился я. «Ну... практика! Кто часто ходит на охоту — тот и привыкает».

«Да, — спохватился Серёжа, — буди Сашу, а то опоздаем в гимназию». Я подошел к кровати.

«Пощекочи ему пятки!» Я осторожно пощекотал, но результат был неожиданный: Саша стал громко смеяться и даже не отдергивал ногу. Чем больше я щекотал, тем громче смеялся Саша, но не просыпался. Это было так необычно, что Серёжа немедленно принял участие в щекотании.

И так несколько мгновений мы все трое весело хохотали, пока Саша резким движением не подобрал ноги. Ещё не очнувшимися от сна глазами он с недоумением глядел на нас — точно вспоминал что-то:

«Слушай, Зесь, если бы ты знал, какой это был странный сон... Еду я на дрожках по заливному лугу в Ивановском... Трава высокая, а ветер её качает... Сам я почему-то босиком и хочу спрятать ноги от травы — и не могу... Щекотно ужасно!»

Как выступил Серёжа первый раз с отцом на охоту — я, к сожалению, не видел, так как был мал. Но могу себе представить, что он должен был испытывать после первых выстрелов, так как впоследствии Серёжа передал мне это ружьё по наследству, нежно называя его

«фузея». С Серёжей я и пошёл на первую охоту. «Фузея» стреляла с чисто громовым раскатом. Отдача каждый раз заставляла нить правую скулу, а на плече, под рубашкой, расцветали сиянки всех цветов радуги.

Но всё же это была замечательная «фузея». Об этом знали только Серёжа и я...

V

Серёже было лет 15, а мне лет 7. Не могу вспомнить, где мы жили в том году на даче. Кажется, это было имение С.И. Танеева около Клина. Очень хорошо помню веранду, выходящую в парк, направо — убегающий к роще забор огорода. Серёжа сидит за столом, перед ним расправилка для бабочек. Пальцы работают быстро и сноровисто, когда он выправляет крылья и усики бабочек. Я долго молча наблюдаю за этой процедурой. Серёжа очень сосредоточен, и я не хочу ему мешать. Встаю и иду в сторону огорода. Мне не позволяют далеко ходить, но ничего, вот дойду до зарослей калины и шиповника, посмотрю, что делается за ними, — и быстро назад. Хорошо бы самому поймать и расправить махаона или адмирала... Такими мыслями я был занят, когда подходил к кустам терновника. Вдруг что-то странное привлекло моё внимание. Передо мною ветка терновника с большими острыми шипами. На одном из шипов надет зелёный кузнечик, он ещё жив и слабо шевелит одной ногой. Шип вошёл в спину и вышел через брюшко. Но кто его нацепил? Может, сам напоролся? Да как же, спиной — не может быть! Тут меня поразило ещё нечто: веткой ниже на одном из шипов ясно виднелись остатки какого-то насекомого, наткнутого на шип, вероятно, много раньше... Кто бы мог это делать? Только что я оставил Серёжу, нанизывающего на булавки бабочек. Неужели он, но для чего?! Серёжа был уже для меня в то время учёным арбитром, образцом для подражания, и вдруг — какая чепуха!

Задумчиво бреду обратно к веранде, где застаю Серёжу за прежним занятием. «Скажи, ты не нанизывал кузнечиков на терновые шипы?»

Долго мне пришлось растолковывать, что я хотел сказать. Когда же Серёжа, наконец, понял и весьма нелестно выразился относительно моих умственных способностей, он всё же потребовал, чтобы я немедленно отвел его на место моей находки. Вскоре мы уже вдвоём созерцали несчастного кузнечика. Я ясно видел, что Серёжа взволнован и заинтересован. Тут я впервые услышал таинственное слово «СОРОКОПУТ». Какой-то былинный призыв есть в этом названии. У меня сразу же в фантазии стал шевелиться облик какого-то пернатого Соловья-разбойника. Серёжа, с биноклем в руках, излазил все кусты, пока, наконец, не обнаружил того, кто нанизывает свои жертвы на шипы.

Увидел его и я, но, по правде сказать, был разочарован, обнаружив вместо свирепого хищника небольшую изящную птичку с серой головкой и спинкой и чёрными надглазными лентами. Я осмелился заметить Серёже, что сорокопут похож на чеканчика, который всё время вертится на камнях перед нашим домом. «Сам ты чеканчик!» — сердито буркнул Серёжа.

С этого дня началась горячка. Как будто самым центром мироздания сделались сорокопуты. Серёжа целыми днями пропадал с биноклем, стараясь проследить, куда летает парочка, самец и самка сорокопутов, справедливо заподозрив, что недалеко должно быть гнездо. Но следить за ними было трудно, так как птицы были напуганы.

Но вот, помню, обедаем мы на террасе. Вдруг Серёжа меняется в лице — прямо против него на заборе огорода, трепеща крыльями и разевая рты, сидят молодые сорокопутята, а старые таскают им корм. Обед был забыт. С биноклем в руках Серёжа непрестанно следил за выводком.

«Должен добыть хоть одного!»

В то время Серёжа ещё не стрелял птиц и не снимал шкурок. Добыть сорокопуга — значило поймать его живьём. Но как!? В одном из охотничьих журналов Серёжа наткнулся на рекламу «птичьего клея». Кого-то, кто ездил в Москву, удалось уговорить привезти баночку такого клея. Кажется, никто в доме не знал о затее Серёжи. Только я был посвящён в тайну лова, когда Серёжа в первый раз намазал верхушки палок забора какой-то отвратительной массой, которая, согласно рекламе, хватала без осечки всех птиц до размера голубя.

Началось наше дежурство. Больше всего сидел Серёжа, изредка заменял его я. Сорокопуги летали кругом, но никак не хотели сесть туда, где для них был заготовлен клей. Серёжа нервничал. Наконец, потеряв терпение, он на протяжении нескольких метров намазал клеем перекладину забора.

Вот тут-то и стряслась беда.

Птичница выгнала из курятника наседку с выводком уже больших цыплят, и этот выводок всей компанией, как назло, выбрал местом переправы через забор участок, намазанный клеем.

Через минуту отчаянное кудахтанье наседки и писк цыплят, трепыхавшихся на заборе, свидетельствовали, что клей действительно работает без осечки, а ещё через минуту пронзительные вопли птичницы, пытавшейся отлепить своих питомцев от забора, окончательно подтвердили, что лов сорокопугов бесславно провалился.

Это были первые дебюты Серёжи в области орнитологии, которой он стал увлекаться со всей беззаветностью, столь характерной для всех его научных устремлений. Впоследствии, когда Серёжа собрал очень большую коллекцию птиц, у него была целая серия разнообразных сорокопугов. И мы как-то, смеясь, вспоминали его первый неудачный дебют с «птичьим клеем».

VI

Детство и отрочество моих братьев протекало на Моховой, в здании старого Университета, в той самой квартире, которую я уже поминал.

Славная это была квартира, столько в ней было света, уюта и тепла. Не только тепла в буквальном смысле слова, но, главным образом, того тепла, память о котором греет и в глубокой старости, тепла, которое создает атмосфера полной беззаботности, бесконечно бережного любовного отношения всех окружающих, когда тёмные стороны жизни не коснулись ещё души ребенка-отрока и кажется, что эта жизнь полна разнообразия и интереса. Право, даже трудно сказать, какое время года было самым интересным. Вот близится декабрь, а с ним и Рождество. Стоит зима. Уличный шум затих, падает мягкий снег, бесшумно скользит мимо бесконечная вереница извозчиков... «Поберегись!» Лихо мчатся сани под медвежьей полостью, а могучие рысаки под лиловой сетью, далеко выбрасывая ноги, швыряют комья снега из-под копыт.

Словно вся Москва вывалила на улицу — столько прохожих снуют туда и сюда. Легкий морозный воздух бодрит, снег напал, как пух. Звуки и голоса звучат приглушенно, словно под сурдинку. А витрины! Каких чудес только не нагладишься! Это ёлочный рождественский базар.

Дома братья озабоченно клеят картонажи под руководством Елизаветы Андреевны и мастерят подарки для родителей. Матери вышивается закладка, а отцу — туфля на стенку для часов. Только бы не проболтаться! Елизавета Андреевна не столько боится за Серёжу, сколько за Сашу, который, как известно, ни одного секрета утаить не может.

Гадают, не придет ли дядя Серёжа? Без него на Рождество как-то пусто! Из Петербурга ждут, но не наверное, дядю Володю. Больше всего волнуют приготовления к постановке живых картин из «Руслана и Людмилы». Это будет на Крещенский вечер. Шьются настоящие кафтаны, сарафаны и кокошники... Черномор должен быть совсем маленьким, даже по сравнению с маленькими участниками постановки. Эту роль решили дать Феде Петровскому — он самый маленький. На него наденут чалму и маску с такой бородицей, что шесть мальчиков будут нести её впереди, а сам Федя будет восседать на позолоченных носилках, которые тоже понесут четыре самых сильных мальчика. То-то будет смеха!

Самая просторная комната в квартире — большая, как зала. Часть её называют столовой, так как там обедают, а другую часть называют гостиной — она отделяется от столовой тремя ступеньками и подперта двумя толстыми белыми колоннами, так что создается впечатление сцены. Вот на этой-то сцене и будут ставить живые картины.

Пока что в столовой служитель Герасим прилаживает большую бочку, оклеенную зелёной бумагой с золотыми обручами, и наполняет её песком для ёлки. Братья озабоченно спрашивают, достаточно ли большая ёлка, хватит ли «до потолка». «Ещё подрезывать придется», — успокаивает Герасим.

В передней звонок. Братья бросаются туда. Ну конечно! В огромной бобровой шапке и в такой же шубе дядя Серёжа своей фигурой сразу точно заполняет всю переднюю. А за ним в двери вносят таинственные ящики.

«Не подходите, я с холода!» — гремит его веселый бас.

«А что это за ящики?»

«Потерпите, узнаете!» — хохочет дядя.

О, как он умеет выбрать то, что всего интереснее! С ним всегда прибывает большой ящик с ивановскими индюшками, гусями и поросятами, а также целая батарея ивановских наливок.

Рождество обещает много сюрпризов.

Помню, в старости, далеко за границей, я встретил соотечественников, помнивших былые дни. «Да, — говорили они, — ваши ёлки славились, чего там только не бывало! Мы всегда мечтали — вот бы попасть к Огнёвым на ёлку!»...

Наверное, так оно и было. Я был тогда слишком мал, чтобы ясно помнить веселье в нашей старой университетской квартире.

VII

Братья подрастали. Их сверстники уже танцевали на вечерах. Мама решила не отставать от других и тоже обучить своих сыновей светским манерам и танцам. Наняли танцмейстера. Не тут-то было! Танцмейстер не мог вытащить Серёжу из-под рояля, куда Серёжа залезал сразу в начале урока и откуда мешал танцующим, хватая их за ноги. У него был свой взгляд на «девчонкины забавы», а Саша проделывал «па» с таким унылым видом, что мама, потеряв терпение, махнула рукой на уроки танцев.

Так мои братья никогда и не научились танцевать.

В детстве у братьев было много друзей, были и мальчики, и девочки, приходившие к нам в гости. Но по мере того как братья подрастали, девочек становилось всё меньше, пока в старших классах из знакомых остались только одноклассники братьев.

Девочкам же не были интересны братья, не посещавшие вечеров, не умевшие танцевать и ухаживать. У братьев вырабатывались свои интересы, и постепенно они всё больше и больше отходили от той жизни, которая считалась обычной светской жизнью молодежи.

Но натура всё же требовала от молодости увлечений, и братья отдавали свою дань, всё своё молодое увлечение науке.

Как иные молодые люди, очертя голову, бросаются на все приманки флирта и развлечений, так мои братья просто и беззаветно посвятили себя тому, что их интересовало. Широта интересов не позволила им «засохнуть», хотя многие считали их чудаками. Впрочем, брат Серёжа на своем жизненном пути столкнулся с женщинами; случилось это тогда, когда он, несмотря на молодость, уже успел показать свой талант зоолога, но об этом позже.

Из друзей братьев, с которыми дольше всех сохранилась близость дружбы, начавшейся ещё в детстве, вспоминаю: братьев Васю и Петю Живаго, братьев Мишу и Федю Петровских и Серёжу Соловьева.

Серёжа Соловьев одно время в детстве очень сошелся с братьями. Совсем неожиданный интерес соединил их на время — интерес к богослужению. Регулярно посещая университетскую церковь, братья изучили богослужение до тонкостей. Серёжа Соловьев не уступал им в этом отношении и даже во многом превосходил.

Из ящиков мастерски были сделаны церкви. Алтарь, клиросы, хоры — всё было на месте. Из картона были вырезаны фигуры всех священных санов, начиная от митрополита до псаломщиков. Друзья часами просиживали над моделью церкви и служили очень истово литургию, всенощную и молебны. Длилось это до тех пор, пока мама не услышала этой службы и не запретила с негодованием мальчикам употреблять подлинные слова Богослужения. Братья продолжали свою игру, но вместо подлинных слов подбирали похожие созвучия, но без смысла.

Серёже Соловьеву, которому дома позволяли решительно всё, что он желал, позволили даже сшить себе облачение священника. И однажды вечером, когда родителей не было дома, он отслужил всенощную так хорошо, что вся прислуга молилась.

Братья очень завидовали, но всё же понимали, что Серёжа Соловьев переборщил.

К этому же времени относится увлечение моего брата Серёжи профессором Елеонским, который был настоятелем университетской церкви. Действительно, Елеонский был необычайно благообразен, и кроткое лицо его напоминало лик угодника-святителя. Наблюдая за ним в церкви, брат Серёжа проникся таким умилением, что, найдя в альбоме отца карточку Елеонского, поставил её в киот к иконам и зажег свечку.

Но однажды, во время чтения Двенадцати Евангелий, Серёжа до того увлекся чтением Елеонского, что совсем бессознательно согнул углом свою горящую свечку, как пистолет, и прицелился в Елеонского. Тот заметил и пригрозил Серёже пальцем. Огорчению Серёжи не было предела! Его кумир подумал, что он шалит, и даже пригрозил ему... Серёжа был в тот миг глубоко несчастен.

VIII

Братья Вася и Петя Живаго трогательно любили моих братьев, и хотя последние годы жизни редко видались, но сердечное, теплое отношение сохранилось. Ближе всех был, всё-таки, добряк прекрасной души Петя, или «Пэтер».

Братья Живаго имели самый несомненный артистический талант. Вася недурно писал стихи. Они рано начали увлекаться театром и заразили своим жаром моих братьев.

Выразительное чтение и декламация были их коньком. Мальчики, будучи классе в четвертом–шестом, любили гримироваться, особенно старшие. У брата Саши уже тогда выработалась очень приятная манера выразительного чтения. Серёжа в этой компании был самым младшим, и у него не хватало слушателей. Отыгрывался он на мне в минуты наплыва декламаторского настроения. Бывало, покажется на пороге комнаты и поманит меня тайком пальцем.

Я стараюсь незаметно ускользнуть от Гертруды Павловны, моей гувернантки. И вот мы оба в Серёжиной комнате. «Хочешь, прочту „Старушку“?» Конечно, хочу. Серёжа вытаскивает том баллад Жуковского и начинает зловещим шепотом:

*На кровле ворон трижды прокричал.
Старушка слышит и бледнеет...*

При первых же словах я от страха незаметно сползаю со стула под стол и, затаив дыхание, слушаю до конца балладу, которую Серёжа читает самым замогильным голосом. Конечно, Серёже без труда удалось сделать из меня отчаянного труса, боящегося даже темной комнаты...

IX

Большое влияние на братьев имели их репетиторы: Загуменный и Дивавин. Много веселых анекдотов сохранилось о пребывании этих милейших людей в нашем доме. Впоследствии оба сделались известными врачами.

Леонид Александрович Дивавин был очень музыкален и обладал прекрасным теноровым баритоном (так, кажется, называется высокий баритон). Он любил петь, и репертуар его был неисчерпаем. Знал он почти все арии известных опер. Серёжа с наслаждением слушал своего учителя. Слух у Серёжи был неважный, но под влиянием Дивавина он очень полюбил пение и быстро разучил массу романсов и арий. Часто в лесу он услаждал мой слух богатством своего репертуара и, что меня особенно поражало, необычайно легко справлялся с такими ариями, как «Куда, куда вы удалились...» и «Не плачь дитя, не плачь напрасно». Мне казалось, что он поет просто прелесть как хорошо! Слух у меня был никудышный, я в этом отношении мало отличался от Серёжи. Вскоре я начал ему вторить и уже от него научился петь всё то, что он перенял от Дивавина.

При посторонних мы петь стеснялись, но зато когда оставались одни — отводили душу как следует. Мы оба, уже взрослыми, часто, возвращаясь с охоты домой, во весь голос вспоминали целые отрывки из опер. Там, где Серёже не хватало голоса, он, к моей зависти, брал «игрой». Вот бы удивились ученики Серёжи, если бы обнаружили за своим учителем такие склонности.

X

Читая как-то воспоминания Чебышева о подмосковной старине, наткнулся я на описание имения А.Н. Маклакова. Чебышев, вспоминая необычайно живописную окрестность имения, поминает расположенный неподалеку от него заповедный лес. Лес этот назывался Островом. Действительно, он, как остров, раскинулся своей вековой громадой по холму. Пара орлов, как заметил Чебышев, всегда кружилась над лесом, как бы составляя его неотъемлемую прелесть. Но вот появился какой-то молодой орнитолог, и ему почему-то понадобилось убить этих орлов, с негодованием против такого варварства сетует студент Чебышев.

Этот рассказ живо напомнил мне хорошо знакомый лес и весь этот случай, тем более, что «молодой орнитолог», о котором так неодобрительно отзывался Чебышев, был не кто иной, как мой брат С.И. Огнёв. В то время Серёжа или только что кончил гимназию и был тем, кого называли «абитуриентом», или, может быть, уже состоял студентом-первокурсником. Он серьезно занимался орнитологией, собирая коллекцию птиц Московской губернии. Коллекция эта была ещё небольшая. Были пробелы и в сериях хищных птиц.

Рис. 3. Саша и Володя, 1914 г.

Fig. 3. Sasha and Volodya, 1914

Помню, Серёжа мечтал иметь хорошую серию ястребов-тетеревятников и добыть хоть одного сокола-сапсана. Почти каждый день над усадьбой Лидии Филипповны Беклемишевой (эту усадьбу мы снимали в том году на лето) появлялись тетеревятники и реже пролетал сапсан. Но как только Серёжа в волнении бросался за ружьем, налётчики успевали исчезнуть. Ясно, что где-то неподалеку они задерживались и даже, быть может, гнездились.

Немного в стороне от усадьбы на холме раскинулся строевой лес, который местные жители называли Островом. Брат там ещё не успел побывать. Узнав, что лес принадлежит Маклаковым, Серёжа легко добился разрешения охотиться в этом лесу, так как Маклаковы были в очень хороших отношениях с нашими родителями.

Все надежды Серёжи были на этот лес, где он думал найти гнездовье интересовавших его птиц. Всё зависело от охотничьей удачи. Но никак не ожидал он того сюрприза, который готовил ему Остров.

Я очень хорошо помню первое посещение Острова. Серёжа тогда уже охотно брал меня в свои охотничьи походы. Решено было идти ближе к вечеру, когда пернатые обитатели леса держатся ближе к тому месту, где ночуют.

Дремучий лес был ещё ярко освещён косыми лучами солнца, близившегося к западу. Громадные ели, по мере того, как мы всё дальше проникали в глубь леса, точно угрюмо смыкали свои ряды и тянули нам навстречу длинные ветви свои, поросшие серыми космами мха. Одиночные сосны поражали своей толщиной. Кора на них снизу была похожа на щиты, прилепленные к стволу, — так стары были эти сосны.

Такого дикого и красивого места я в жизни своей не видел. По-видимому, Серёжа тоже ото всей души наслаждался окружающей красотой. «Да, хорошо, прелесть как хорошо! Лес больше, чем кажется издали. Здесь наверняка должны быть хищники».

Не успели мы сделать и сотни шагов дальше, как с вершины ели, которая одна лишь была освещена последними лучами заходящего солнца, сорвалась громадная птица и, тяжело хлопая могучими крыльями, быстро скрылась между деревьями.

Серёжа было вскинул ружье, но расстояние было слишком велико. На моё удивление, кто это был, Серёжа, сам задыхаясь от волнения, каким-то изменившимся голосом мог только проговорить: «Орёл!»

Мы бродили в безуспешных поисках до самых сумерек. Ничего не найдя, мы стали уже выбираться на опушку, как вдруг снова с одной из елей с треском сорвалась птица. В ту же

минуту меня ослепил блеск и оглушил раскат выстрела. Птица падала, ломая сучья, и тяжело ударилась о землю. Ещё яростно следуя за нами желтыми глазами, самец тетеревятника бился в последних конвульсиях.

На следующий день мы были в лесу уже утром. Был чудный солнечный день. Дремучий бор благоухал смолой и всеми ароматами лесного дрема и был несказанно красив, пожалуй, красивее, чем накануне вечером.

Высоко над лесом, в самой синеве неба парили две птицы. Достаточно было только взглянуть на них, чтобы сразу догадаться, даже без бинокля, что это орлы, так царственно красив был их полет. Широкие крылья с растопыренными перьями на концах не двигались, только слегка меняли своё положение на поворотах; широко, веером открытый хвост не выделялся и точно составлял одну линию с крыльями. Изредка слышался их дикий пронзительный клик.

Серёжа не отрываясь смотрел на них в бинокль и потом, словно с трудом оторвавшись, передал бинокль мне, чтобы я тоже посмотрел на орлов. «Не беркуты, как я думал, а подорлики...»

Орлы спускались кругами всё ниже и ниже. Потом один из них сложил крылья и камнем полетел вниз, скрывшись из виду. Минуты через три он снова появился, летя невысоко и тяжело, направляясь к другому концу Острова.

Не прошло и трех четвертей часа, как мы с Серёжей наткнулись в той стороне леса, куда полетел орел, на полузасохшую огромную сосну. На большой высоте, там, где ветки сосны причудливо искривились в виде седла, находилось гнездо. Всё кругом — и следы испражнений, и остатки пищи — свидетельствовало о том, что в гнезде находится птенец. Мы спрятались. Ждать пришлось недолго. Вскоре высунулся из гнезда птенец, уже полуоперившийся, и начал кричать, махая ещё не окрепшими крыльями. В тот же момент по земле у наших ног пронеслась большая тень, а наверху на край гнезда с треском уселась орлица и сразу, словно спеша, начала рвать куски от чего-то, что она принесла с собой, и стала запихивать их в глотку пищущего орлёнка.

То, что в этот момент две пары глаз с жадным любопытством следили за каждым её движением, орлица не подозревала.

С этого момента охотничий азарт в Серёже отошёл на второй план, а проснулся наблюдатель. Редкий день не навещал Серёжа орлиный выводок, проводя целые часы около гнезда с биноклем в руках. Но как-то, когда орленок вылетел из гнезда, Серёже удалось дуплетом сбить орла и орлёнка. Тщательно препарировав шкурки, он был в этот день совершенно счастлив. Ведь это были первые орлы в его коллекции!

V.I. Ognev's memoirs about S.I. Ognev

THE PUBLICATION AND INTRODUCTORY ARTICLE BY ELENA P. KRYUKOVA

Vladimir Ivanovich Ognev (1894–1958), the brother of zoologist Sergei Ognev (1886–1951), whose memoirs entitled “How I became a zoologist” are also published in this issue. In this manuscript written at the suit of S.I. Ognev's widow Inna, V.I. Ognev recalls the childhood years of his older brothers, Alexander and Sergei. Focusing on the zoological hobbies of the brothers, he also describes their other interests, recalls the homely atmosphere in their family, as well as their friends. Among them were famous future scientists Fedor and Mikhail Petrovsky, Peter Schiwago. The published manuscript by V.I. Ognev is stored in the archive of Ognev's family.

Keywords: the Polivanov gymnasium, Moscow University, archpriest N. Eleonsky, Fedor and Mikhail Petrovsky, Peter Schiwago, Sergei Ivanovich Ognev.